

нием отрывков для анализа способствует более плодотворному усвоению языка через художественный текст и более глубокому проникновению в его художественные особенности. Усвоение схем анализа текста, предложенных в «Практикуме», очень важно для более адекватного понимания языковых форм в различных модификациях их значений, обусловленных, как правило, именно стилистическим контекстом. Рецензируемый

«Практикум» представляет большой интерес и для подготовки переводчиков.

Учебный комплекс «Стилистика немецкого языка» и «Практикум по стилистике немецкого языка» М. П. Брандес является заметным вкладом в отечественную научно-методическую литературу по иностранному языку.

Крушельницкая К. Г.

Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка. — М.: Высшая школа, 1983, 383 с. (на англ. яз.)

Рецензируемая книга М. Я. Блоха совмещает учебное и научно-исследовательское назначение. В рамках последовательного изложения курса теоретической грамматики английского языка, в котором находят обобщающее отражение признанные достижения современной советской и зарубежной грамматической мысли, автор выдвигает оригинальную концепцию грамматического строя, базирующуюся на едином функционально-парадигматическом принципе рассмотрения морфологических и синтаксических явлений.

Книга строится на общетеоретической основе системного языкознания, в котором автором выделяются четыре главных составных части: учение о языковой синхронии и диахронии, учение о языке и речи, учение о синтагматике и парадигматике, учение о единицах языка и уровнях языка. Система в понимании автора предстает не в виде статической совокупности элементов и их свойств, а в виде динамического механизма, составляющие которого получают качественную определенность лишь как действующие исполнители соответствующих функций. При этом через все содержание книги проходит мысль о том, что именно коммуникативный контекст является основной сферой реализации функций всех без исключения элементов языка, распределенных по множеству иерархически соотнесенных функционально-парадигматических подсистем. Данный подход как бы перекидывает мост от теоретической грамматики к практической.

Другая принципиальная линия, проходящая по книге от начала до конца, — это трактовка грамматических явлений в качестве двусторонних сущностей, различающих свою материальную форму и свое семантическое содержание. Продолжая традицию отечественного языкознания, автор демонстрирует ограниченность менталистского подхода к «правилам грамматики» и указывает на семантическую насыщенность всех звеньев грамматического строя, в которых сосредоточена наиболее абстрактная часть семантического содержания, заложенного в языке. Отсюда вытекает важное для практики требование к формулированию грамматических правил — их «семантическая ориентированность» (с. 9).

Книга включает 31 главу, которым предшествует предисловие, сжато формулирующее основные принципы и назначения монографии. В главе I излагаются основы системной теории грамматики, в главах II—IV освещаются общие принципы грамматического учения о слове, в главах V—IX рассматриваются грамматические свойства существительного, в главах X—XVII — грамматические свойства глагола, главы XVIII и XIX посвящены, соответственно, прилагательному и наречию, в главе XX описываются синтагматические связи слов, в главах XXI—XXIII рассматриваются общие признаки предложения, в главах XXIV—XXV — проблемы простого предложения, в главах XXVI—XXX — проблемы сложного и осложненного предложения, глава XXXI посвящается анализу грамматических аспектов текста. Книга снабжена библиографическим списком и предметным указателем.

Описывая язык как иерархически организованную систему средств формирования мыслей и обмена ими, автор различает шесть функционально-охарактеризованных уровней языковых единиц: фонематический, морфематический, лексематический, фразематический (уровень словосочетания), пропозиционный (уровень предложения), супрапропозиционный (уровень текста). При этом он подчеркивает, что с функционально-грамматической точки зрения основными уровнями служат уровень слова и уровень предложения, поскольку посредством слов мы называем объекты и их отношения, а посредством предложений строим сообщения о них. Что касается текста, то он представлен в книге в качестве сферы функционального выхода элементов языка, являясь продуктом речетворчества. Таким образом, автор на новой теоретической основе системного языкознания освещает традиционное деление грамматики на морфологию как грамматическое учение о слове и синтаксис как грамматическое учение о предложении. Словосочетание в этой концепции, относясь к «малому синтаксису», получает статус сложной номинативной единицы.

Предпосылая детальному анализу категориального строя частей речи рассмотрение общих понятий, относящихся к грамматическому учению о слове,

автор дает четкие определения таким фундаментальным элементам грамматической теории, как грамматическая форма, оппозиция грамматических форм, парадигма грамматических форм и грамматическая категория. В этой четверке взаимосвязанных понятий особое внимание уделяется оппозиции как основе формирования грамматической категории — «системы выражения обобщенного грамматического значения посредством парадигматического соотнесения грамматических форм» (с. 28). Развивая учение о грамматической оппозиции с точки зрения функционально-парадигматического подхода, автор переосмысливает понятие нейтрализации, показывая, что нейтрализация представляет собой частный случай более общего явления, а именно, оппозиционного замещения — процесса, сопровождающего функционирование оппозиции в ходе речевого общения. Двумя крайними типами оппозиционного замещения оказываются, с одной стороны, нейтрализация — немаркированное функциональное замещение парадигматического противочлена (*tonight we start for London*), а с другой стороны, транспозиция — маркированное функциональное замещение парадигматического противочлена (*that man is constantly complaining of something*) [ср. 1].

Другим положением, касающимся общего представления категориального строя слова, является последовательно проводимое в книге разделение грамматических форм на собственные (имманентные) и отраженные (рефлективные). Так, форма числа существительного, передавая количественную характеристику предметного денотата, осмысливается как собственная, а форма числа глагола, характеризующая не процесс, а тот же предметный денотат, квалифицируется в качестве отраженной. Такое деление форм, обнаруживающее коренные функциональные различия между ними, важно не только для морфологии, но и для синтаксиса, поскольку помогает более строго очертить круг предикативных значений предложения.

Деление словарного состава по частям речи рассматривается на фоне более общего распределения слов по лексическим классам, определяемым различными признаками формы и функции. В этом свете автор сопоставляет два типа классификаций слов: лексико-грамматическую трехстороннюю (признаки семантический, формальный, функциональный) и синтаксико-дистрибутивную одностороннюю. Такое сопоставление дает возможность выдвинуть идею о более общем грамматическом делении словарного состава на три составных части: номинативную, объединяемую «лексической парадигмой номинации» (существительное, глагол, прилагательное, наречие), заместительную (местоименные слова вместе с широкозначными словами заместительных функций) и служебную (слова релятивных функций) [ср. 1—4]. Все это, не отменяя, а дополняя существующие грамматические классификации слов, раскрывает интересный аспект системности лексики и дает критерий оценки целесообразности

выделения той или иной группы слов в отдельный лексико-грамматический класс или «часть речи» (ср., например, дискуссию, связанную со словами категории состояния).

Существительное, определяемое в качестве главной номинативной единицы языка, представлено в развернутых очерках подклассового и родового деления, категориально-нумеральной и категориально-падежной характеристики и артиклевой детерминации. Родовое деление английских существительных при типологическом сопоставлении с русскими ясно обнаруживает лексико-грамматический, а не чисто лексический характер, как это принято представлять в имеющихся грамматиках. Грамматическое число, охарактеризованное оппозиционно-парадигматически, предстает в четком соотнесении с подклассовым делением существительных на исчисляемые и неисчисляемые. На этой основе выделяется, наряду с регулярным или относительным, также и абсолютное грамматическое число, фиксированное в неизменяемой форме существительного. Приводимый языковой материал по абсолютному числу дает возможность интересно проиллюстрировать функциональную специфику различных типов оппозиционного замещения. Одновременно само понятие абсолютного числа позволяет на системной основе объединить случаи нерегулярного выражения числа существительного. Далее, опираясь на данные оппозиционного анализа, автор предлагает оригинальную интерпретацию статуса английского падежа, показывая, что в типологически необычной двухпадежной системе английского языка форма косвенного (родительного) падежа образуется не флексией, а вспомогательной частицей (*particle case*). Такая трактовка, синтезирующая предшествующие теории, хорошо объясняет кажущийся парадокс оформления единым падежным показателем целого словосочетания.

Большой интерес представляет функционально-парадигматическое описание английского артикля. Охарактеризованный с этой точки зрения, артикль предстает как конститuent грамматической категории артиклевой детерминации существительного, различающей три регулярные формы: определенную, неопределенную и нулевую. Обобщающая сила данной трактовки артикля проявляется в том, что дает возможность объяснить многочисленные и казались бы разрозненные случаи «особого» употребления артикля (такие, как употребление определенного артикля с неисчисляемыми существительными или названиями уникальных предметов, употребление неопределенного и определенного артикля с именами собственными, употребление определенного артикля при подлежащем после вводящей конструкции, разного рода опущения артикля и др.).

При рассмотрении системы английского глагола на всех этапах описания учитывается роль этой части речи как организатора ситуативной семантики, передаваемой предикативными единицами

языка. На материале анализа многочисленных глагольных форм получает наиболее полное раскрытие функционально-парадигматический подход автора к языку в области морфологии. Прежде всего это относится к категориям времени и вида. Развивая известное положение о взаимном исключении категориальных грамматических форм в словоформе [ср. 5—6], автор дает новую трактовку этих категорий, различая в системе английского глагола две категории времени (с одной стороны, настоящее и прошедшее, с другой стороны, будущее и небудущее) и две категории вида (с одной стороны, неопределенный и длительный, с другой стороны, перфективный и имперфективный). Такое представление видо-временной системы демонстрирует ее внутреннюю стройность и упрощает ее описание.

В ходе анализа проблематики наклонения постулируется простое бинарное отношение «изъявительное / сослагательное» на верхнем уровне системы. Демонстрируется грамматикализирующая функция перехода от вида к времени, приобретающая качество материальной основы существования форм сослагательного наклонения; переосмысливается статус повелительного наклонения, объединяемого в единой системе сослагательного с другими его формами. Вместе с этим уточняется и природа сочетаний знаменательного глагола с полувспомогательными элементами *should, may, might, let*: данные сочетания выделяются в особую сферу «модального сослагательного». В итоге общее описание категории наклонения, как и категорий времени и вида, существенно выигрывает в стройности.

При описании неличных форм глагола последовательно раскрывается чисто грамматический характер их противопоставления личным формам. Глагольность неличных форм особенно ярко проявляется в предикативных потенциях их самостоятельно-членного употребления (комплексы вторичной предикации). Заслуживает большого внимания аргументация автора в пользу признания отдельного существования в английском языке герундия и причастия первого. При этом так называемый «полугерундий» — форма, дающая основание некоторым лгнвистам объединить герундий с причастием первым под единой рубрикой «инговой» формы, — естественно рассматривается как результат оппозиционного замещения (ср.: *To think of him turning sides* — полугерундий; *To think of his turning sides* — герундий).

В синтаксических разделах книги широко используется разработанная автором концепция синтаксико-парадигматических отношений (парадигматический синтаксис).

При рассмотрении синтагматики слова наряду с понятиями сочинения, подчинения и присоединения вводятся понятия равносильной (эквипотентной) и зависимой (доминанционной) связей, позволяющие ясно представить отношение присоединения к сочинению и подчинению, поскольку в рамках присоединения возможно выявление и той, и другой связи. В терминах доминационных связей пре-

дикативная связь выступает как связь двусторонней доминации (взаимное подчинение подлежащего и сказуемого по собственным категориям), а непредикативная зависимая связь, соответственно, как связь односторонней доминации.

Противопоставляя предикативную связь слов как связь, формирующую предложение, иным типам связи, выявляющимся в словосочетаниях как непредикативных объединениях слов, автор продолжает традицию, выработанную в советской русистике. В то же время, обращаясь к категориям парадигматического синтаксиса, он указывает на возможность деривационных отношений между предложением и словосочетанием; наиболее ясно такие отношения выявляются для словосочетаний полупредикативного характера — инфинитивных, герундиальных, причастных.

Проблему выделения и определения предложения как уровнеобразующей единицы языка автор связывает с различием в предложении номинативного аспекта. На этой основе он дает новое, переосмысленное определение предикации, которая выступает в качестве отношения номинативного содержания предложения к действительности (с. 243). Различение двух аспектов строя предложения — номинативного и предикативного — является необходимым шагом для установления статуса предложения как центрального элемента синтаксической парадигматики.

Важнейшую роль в формировании предложения автор отводит актуальному членению. Актуальное членение рассматривается как составная часть предикативного аспекта предложения, чем признается его синтаксическая (грамматическая) природа. В книге показано, что актуальное членение выполняет двойную роль. Во-первых, накладываясь на номинативное членение предложения, оно маркирует его элементы по их соотносительной информационной значимости. Во-вторых, оно непосредственно участвует в формировании коммуникативных типов предложения, функциональные различия между которыми в большой степени определяются качественными различиями их рематических компонентов. Опираясь на указанные свойства актуального членения, автор выдвигает расширенную классификацию коммуникативных типов предложения, среди которых различаются, наряду с кардинальными типами (повествование — вопрос — побуждение), также и промежуточные, в разной степени совмещающие в себе свойства кардинальных. В свете приведенной классификации получают рациональное объяснение разнообразие случаев контекстных взаимозамен предложений различных коммуникативных установок.

Рассмотрение простого предложения включает характеристику его синтагматического (конституентного) и парадигматического строя. В монографии показано, что применение схем непосредственных составляющих и зависимостей к анализу предложения не противоречит

традиционной теории членов предложения, уточняет взаимный статус членов предложения на едином функциональном основании определительного отношения (ср. взаимоопределяемость подлежащего и сказуемого, определяемость сказуемого дополнением, субстантивного члена атрибутивным, всего предложения адвербиальным элементом и т. д.). На базе учета валентностных связей глагола как предикативного центра предложения рассматривается понятие элементарного предложения, помогающее уточнить характеристику предложения по составности и структурной полноте.

Изучение парадигматического строя предложения связывается с различием двух систем синтаксической парадигматики: конструкционной, ведающей линейным расширением предложения, и предикативной, ведающей отнесением пропозитивной номинации к действительности. В категории конструкционной парадигматики определяется сложность предложения по знаменательному составу (сочинение, подчинение, осложнение предикативных единиц), а в категориях предикативной парадигматики определяется характер релятивно-оценочной семантики, выражаемой предложением в тексте. В наиболее чистом виде релятивно-оценочная семантика раскрывается в предложениях примарной синтаксической системы — предикативных конструкциях, элементарных по знаменательному составу, но способных функционировать в качестве полноценных высказываний реального общения.

Сложное предложение, определяемое как полипредикативная синтаксическая конструкция, рассматривается в развернутом сопоставлении разных форм реализации (сочинительной, подчинительной, присоединительной, союзной, бессоюзной с их соответствующими разновидностями) с учетом фактора парадигматического производства от деривационной основы, образуемой суммой простейших конструкций. При этом сложноподчиненное предложение представлено в книге как полипредикативная конструкция семантически более прозрачного, «открытого» способа соединения своих компонентов, чем сложноподчиненное предложение; поэтому именно сложноподчиненное предложение выступает в качестве основной диагностической модели при семантическом анализе сложносочиненного предложения, а не наоборот.

На основе использования понятий одночленности и двучленности сложного предложения автором разрабатывается интересная классификация сложных предложений по типу составности (главные классы — монолитные и сегрегативные с подразделением монолитных на подклассы в зависимости от степени спайки между частями). Проводится ясная демонстрация того, что «функциональный» (членный) и «категориальный» (лексикограмматический) типы характеристик придаточных предложений не противостоят друг другу, а дополняют друг друга, на основании чего предлагается объединенная и иерархически упорядоченная классификация придаточных.

Что касается осложненного предложения, то анализ его проблематики раскрывает промежуточный статус этой конструкции в синтаксисе. Она определяется как конструкция «сжатой полипредикации» в отличие от обычного, раздельно-полипредикативного сложного предложения. Функционально-семантическое сопоставление сложных и осложненных предложений позволяет показать собственную специфику последних, далеко не сводящуюся к тому, что они являются более экономными средствами выражения. Основа этой специфики состоит в отражении событий, тесно связанных друг с другом по различным аспектам их объективного существования или субъективного представления отправителем сообщения. Конструкции, осложненные комплексами вторичной предикации и на поверхности выглядящие нерасчлененными (*I won't have him do it; You make me laugh* и т. д.), при функционально-парадигматическом анализе ясно обнаруживают свою семантико-синтаксическую сложность.

Заключительная глава книги посвящена рассмотрению грамматических аспектов лингвистики текста. В частности, здесь обсуждается проблема правомочности включения анализа текста в синтаксическую теорию, проблема соотношения сверхфразового единства как универсальной единицы текстообразования с абзацем как композиционной единицей текста; рассматриваются понятия текстовой цельности и связности как основных «категорий текста» [ср. 7]. Целостное рассмотрение категорий и средств текстообразования приводит автора к утверждению фундаментальной роли предложения и в рамках развернутого текста. Предложение, взятое как составная часть речевых единиц более высокого порядка, выступает в качестве центрального структурно-функционального звена формирования и передачи мысли в тексте любого коммуникативного назначения и стилевой принадлежности.

Необходимо отметить, что в рецензируемой книге, в соответствии с ее назначением, затрагиваются многие вопросы, которые вызывают научную дискуссию. Автор отнюдь не ставит перед собой задачу дать окончательное решение по каждому из них. Достоинством книги является как раз то, что внимание читателя привлекается к областям, требующим дальнейшей разработки, и указываются конкретные направления, по которым целесообразно ее проводить. Это касается проблем детерминации существительного, времени, вида и наклонения глагола, категории степеней сравнения, а также проблемы синтаксического аспекта текста. Не все поднятые вопросы освещены одинаково подробно, что, возможно, связано с ограничением объема книги. В частности, можно было бы расширить содержащий важные положения раздел о синтагматических связях слова, а также раздел, посвященный семантической классификации предложений.

Как свидетельствует все изложенное, книга М. Я. Блоха, в которой органически сочетаются принципиальные теории

ческие обобщения и практическая направленность, безусловно, должна привлечь пристальное внимание широкого круга лингвистов. Можно выразить уверенность, что рецензируемой монографии суждена долгая жизнь.

Маковский М. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1979.

2. Поспелов Н. С. Учение о частях речи в русской грамматической традиции. М., 1954.

3. Ильин Б. А. Строй современного английского языка. М., 1971.

4. Иванова И. П., Буракова В. Н., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика английского языка. М., 1981.

5. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959.

6. Бархударов Л. С. Очерки по морфологии английского языка. М., 1975.

7. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

Федоров А. В. Основы общей теории перевода. — М.: Высшая школа, 1983. 303 с.

Выход в свет нового издания «Основ общей теории перевода» А. В. Федорова подтверждает верность древнего афоризма о книгах, имеющих свою судьбу. Судьба этой книги — как и судьба каждого новаторского вклада в науку — и драматична, и счастлива одновременно. Первое ее издание («Введение в теорию перевода». М., 1953) вызвало резко критическую реакцию со стороны приверженцев литературоведческой концепции перевода¹. Автору ставился в вину сама мысль о закономерном языковом соотношении подлинника и перевода, о языковой обусловленности последнего. Его упрекали в схематизации и даже вульгаризации анализа процесса перевода, в игнорировании эстетических (resp. индивидуально-творческих) возможностей передачи текста с одного языка на другой, ему приписывали стремление свести все многообразие таких возможностей к ограниченному количеству и качественно общезыковым правилам. А. В. Федорову пришлось в ожесточенной полемике обосновывать правомерность самостоятельного лингвистического рассмотрения проблем перевода.

30 лет развития теории и практики перевода в контексте всей современной лингвистики не только притупили остроту противостояния языковедческой и литературоведческой концепций, но и показали, что между ними — не отношение непримиримой конфронтации, а мирного сосуществования и более того — сотрудничества. Лингвистическая концепция общей теории перевода подтверждается за это время массой объективных исследований в нашей стране и за рубежом, но самое главное — интенсивной практикой перевода с самых разных языков. Сколь бы ни были остроумны и необычны переводческие находки, он, как оказалось, вполне укладывается в рамки тех общих закономерностей, которые стремился выявить А. В. Федоров три десятилетия назад. Именно этим и можно объяснить

все возрастающий авторитет и популярность его книги, выдержавшей за это время четыре издания и каждый раз подвергавшейся основательной переработке.

Общая теория перевода уверенно развивается именно по линии «лингвистизации», превращаясь в специальную отрасль языкознания — «лингвистику перевода». При этом она — в той мере, в какой она занимается вопросами художественного перевода — не отрывается от литературоведения, сохраняя утерянную во многих специальных областях языкознания комплексность общепилологической методики анализа фактов. «Противопоставление лингвистических и литературоведческих принципов исследования, принимавшее столь часто конфликтный характер, сменялось или сменяется все более ощутимым разграничением теории перевода как процесса, допускающего схематизацию и моделирование, и теории перевода как исследования соотношений между речевыми произведениями на исходном и переводящем языках, существующими в форме текстов», — отмечает А. В. Федоров (с. 6). И нужно объективно признать, что эту «смену вех» в теории перевода стимулировала именно его книга.

Известный переводчик западноевропейских классиков, соавтор К. И. Чуковского², А. В. Федоров пришел к общей теории перевода и от переводческой практики, и от своих предшествующих филологических работ. Не случайно и в новом издании книги уделено столько места соотношению этих двух сторон транслятологии: и творческому аспекту, и филологическому обобщению.

² Книга К. Чуковского и А. Федорова «Искусство перевода» (Л., 1930) была, в сущности, первым монографическим очерком теории художественного перевода в нашей стране. Из нее, собственно говоря, выросло и знаменитое «Высокое искусство» К. И. Чуковского, и рецензируемый труд А. В. Федорова, так же как и его более ранняя книга «О художественном переводе» (Л., 1941).

¹ См. рецензии Л. И. Борового — [1], Н. И. Фельдман — [2].